
Валентина КОКОРЕВА

МЕДАЛЬ ЗА «ФИНСКУЮ»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ КОКОРЕВОЙ

Весной 1940 года закончилась советско-финляндская война. Те, кто участвовал в ней, думали, что это самое страшное испытание, пережитое ими. Но это было только начало. Многие, так и не успев снять гимнастеров, вскоре вступили в новую — Великую Отечественную войну.

Среди них была и Валентина Александровна Кокорева, в то время, — Четверухина.

После завершения «финской» кампании из армии ее не отпустили. Ее направили служить в Латвию. Перед нападением Германии на СССР перевели в Брест, где она, военврач 3-го ранга, и встретила новую войну. Дальше были плен и шесть фашистских концлагерей, в которых она делала все возможное, чтобы спасти жизнь наших пленных солдат и узников.

Об этом периоде своей жизни Валентина Александровна написала в повести-были «Век человеческий», опубликованной в журнале «Нева» № 5 за 2015 год.

Есть в этой повести один фрагмент. Когда Валентину Александровну после освобождения из лагеря начал допрашивать молодой капитан в новеньком мундире, она робко ему сказала, что имеет боевую награду — медаль «За отвагу». На что «особист» отмахнулся: «Это за финскую. Не считается».

К счастью, тогда разобрались. В лагеря в Сибири Валентину Александровну не отправили. Но шлейф «была в плену» долго тянулся за ней. В Ленинград ей вернуться не позволили. Все оставшиеся годы она прожила в Мурине, тогда деревне Ленинградской области, где трудилась врачом.

На долю Валентины Александровны выпала трагическая, но и счастливая судьба. Пройдя через тяжелые испытания, она в итоге обрела то, к чему стремится любая женщина: семью, любимого мужа, детей.

Она прожила долгую жизнь. Валентины Александровны не стало в 2017 году, когда ей было 104 года.

Разбирая документы, ее внучка Надежда Преображенская обнаружила рукопись воспоминаний о финской кампании. Их Валентина Александровна написала в 1979 году. Тогда, 40 лет назад, об их публикации не могло быть и речи. Скорее всего, Кокорева их сделала для себя как своеобразные «узелки на память», которые, может, когда-нибудь могли превратиться в книгу. Но не случилось...

Тем не менее воспоминания Валентины Александровны — очень любопытный документ о неизвестной и отдаляющейся от нас войне.

Анатолий АГРАФЕНИН

В 1936 году после окончания I-го Ленинградского медицинского института имени академика И. П. Павлова меня зачислили в аспирантуру при кафедре детских нервных болезней. Тема научной работы была о полиомиелите. Я уже сдала кандидатский минимум. В скором времени предполагалась защита диссертации. Но неожиданно 15 ноября 1939 года меня вызвали в Петроградский райвоенкомат и сообщили, что я как врач мобилизована в Красную армию.

Мой шеф — профессор Адриан Сергеевич Грибоедов (ученик академика Бехтерева) вызвал меня к себе и стал уговаривать снова пойти в военкомат и постараться избежать мобилизации: «Неужели вы ничего не сказали о том, что на носу защита диссертации, причем тема ее актуальна в наше время. К тому же вы не совсем здоровы, у вас ревматизм. С таким диагнозом нельзя в армию. Сейчас морозы часто сменяются оттепелью — обострится болезнь, что тогда будете делать? В медкомиссию входит мой друг — профессор Георгий Федорович Ланг, я могу с ним поговорить. Соберите справки о ваших болезнях».

Но я наотрез отказалась от сбора каких бы то ни было справок. Наоборот, я решила скрыть от медкомиссии все свои недуги. Я считала, что мой комсомольский долг пойти в армию. Тем более, как мне казалось, это ненадолго.

В военкомате никто меня о здоровье и не спросил. Простившись с Адрианом Сергеевичем и своими товарищами, уже 16 ноября я уехала в деревню Вартемяги Всеволожского района Ленинградской области, где формировался наш медсанбат.

Там я со многими подружилась, тем более что некоторые были из нашего института. Но из нашей клиники была я одна. В то время я ни о чем дурном не думала, но вскоре пожалела о том, что не послушала своего профессора и не осталась в Ленинграде. Мои болезни напомнили о себе.

В Вартемягах я познакомилась с ленинградским врачом Марусей Левиной. Ее направили в полковую санчасть, меня — в батальонную. С тех пор мы дружили многие десятилетия. В Отечественную войну она дошла до Берлина. Моя судьба была иной.

Нам выдали новую военную форму. Она не была пригнана по фигуре, мы ушивали ее по несколько раз, без конца осматривая себя в зеркале и спрашивая друг друга: «Ну, как? Теперь лучше сидит?»

Какими мы были молодыми и глупыми! Мы даже не могли предположить о том, что в скором времени станем свидетелями и участниками настоящей кровопролитной войны.

17 ноября нас привезли в деревню Порошкино Всеволожского района Ленинградской области, разместили на постой к жителям в неказистую избушку.

На следующее утро меня вызвал к себе начальник медсанбата Смирнов. Подробностей той встречи я не помню. Но лицо самого Смирнова, одутловатое и усталое, память сохранила. Он долго задавал мне вопросы по специальности, словно экзаменуя меня. А узнав, что я невропатолог, да еще и детский, недовольно сказал:

— Вакантных врачебных мест в медсанбате уже нет. Предлагаю зачислить вас зубным техником с окладом четыреста рублей. Терапевтам платим семьсот, но, как я сказал, мест для вас нет. Но зато вы будете не на переднем крае, а в тылу в медсанбате за двенадцать километров от передовой.

Он не сомневался, что я соглашусь. Но я возразила:

— А я не боюсь передовой. Я принципиально не согласна числиться зубным техником. Принципиально! Я — врач, как все, да еще и аспирант. А вы мне «четыреста», «в тылу». Пусть мне тоже платят семьсот. Или отправляйте обратно в клинику. У меня скоро защита диссертации.

Теперь-то это выглядит смешно и нелепо: ну, кому нужны деньги на войне? Правда, в Ленинграде оставались мама, младший брат и сестренка, и лишний рубль им бы не помешал. Но тогда я всерьез об это не думала. Просто у меня несговорчивый характер. Да и гордость задело.

Смирнов побагровел, встал с табуретки и закричал:

— Что вы здесь размахиваете руками? Что себе позволяете? А ну стать «смирно»! Вы где находитесь? Это вам не гражданка, это — армия! Извольте подчиняться. Сдать новое обмундирование и кру-у-гом! На передовую! В батальон!

А писарю сказал:

— Выпишите ей командировочное удостоверение на три дня в Ленинград. Пусть простится с родными.

Я сдала новую, уже подогнанную по себе форму. Напялила на себя чью-то старую, потертую: замусоленный бушлат, кирзовые поношенные сапоги и буденовку. Буденовке я страшно обрадовалась. Ее выдали взамен моей ушанке. Она тоже была не новой, но постиранной и — настоящей, как те, которые носили в легендарную Гражданскую: шлем с ушами и со звездой. Мне вдруг стало легко и свободно. Будь что будет! А пока меня ожидала встреча с родными.

С моим тогдашним мужем мы снимали комнату на Васильевском острове. Виделись редко. Он работал инженером на Кораблестроительном заводе имени Орджоникидзе. Я все время торчала в институте.

Когда я приехала на побывку в Ленинград, мужа дома не оказалось. Я оставила ему записку и поехала к маме в поселок Никольское Тосненского района. Мама работала фельдшером на Ульяновском заводе особого назначения. Обрадовалась моему приезду, — может, отпустили? У нас ведь такая сильная армия, зачем им неумехи, вроде меня.

Я, конечно, не стала рассказывать обо всех перипетиях: зачем расстраивать. Тем более мама очень переживала за моего брата-близнеца Александра. Мы с ним вместе учились на одном курсе мединститута. Брату предлагали идти в Военно-медицинскую академию. Там была стипендия больше, но он не хотел быть военным. И все равно по окончании института все ребята стали военными. Теперь он был кадровым офицером, врачом. Интересно, что мама была совершенно спокойна за меня: я — женщина, что со мной может случиться? А за брата боялась по-настоящему: вдруг призовут и пошлют куда-нибудь в самое пекло. Но мобилизация пока Александра миновала.

К вечеру прибыл мой муж Дима. Ему-то я все выложила начистоту. Мое новое назначение его огорчило, но побранив меня за мой неуживчивый характер, он немного оттаял.

На другой день мы с Димой возвратились в Ленинград и решили сфотографироваться на память. Но его срочно вызвали на работу. И я направилась в фотографию одна. У меня были длинные волосы, и их никак не удавалось спрятать под буденовкой. Хотя и не очень-то было нужно. Ведь именно из-за буденовки я и хотела сфотографироваться. Потом я решила сходить в баню.

В бане все обращали внимание на мою мужскую одежду, солдатское белье. Когда я стала одеваться, какой-то мальчик лет трех не выдержал и, указывая на меня пальчиком, спросил у своей мамы:

— Кто это — дядя или тетя?

Женщины вокруг заулыбались, рассмеялась и я. И решила: раз так, пойду и обстригу волосы.

Рано утром 25 ноября я на попутке выехала к месту расположения 2-го батальона 650-го стрелкового полка 138-й дивизии. Мне надо было принять дела батальонного врача Сергея Герасимовича Дмитриева. Его направляли в тыловой медсанбат. Мне же было немного обидно, что мужчин отправляют подальше от передовой, а меня, напротив, поближе. Но ведь мы сами добивались равенства. Чего же обижаться?

Доктору Дмитриеву, москвичу-хирургу, было 38 лет. Он передал свое нехитрое хозяйство батальонного пункта медицинской помощи и познакомил с фельдшером Иваном Ивановичем Ивановым. Мой будущий помощник только что окончил фельдшерское военное училище при Военно-медицинской академии. Ему было не более двад-

цати, стройный розоволицый блондин, казалось, еще мальчик. Он был аккуратен, и по-военному дисциплинирован. И очень гордился своим званием лейтенанта, старался соответствовать.

Вскоре я убедилась, что Иван Иванович хорошо знает свое дело. Когда мы простились с доктором Дмитриевым, мой фельдшер отложил в сторону врачебную сумку и сказал:

— Ее не берите, она не очень соответствует своему назначению, особенно на фронте. Возьмите мою фельдшерскую. Она хороша, да я и сам туда кое-что добавил.

— А как же вы сами? — спросила я.

— Обойдусь, — потом подмигнул мне, доверительно добавил: — У меня есть еще одна в запасе. Что поделаешь? Без этого нельзя.

В фельдшерской сумке действительно было все необходимое вплоть до разнообразных таблеток. В дальнейшем мы брали именно эти сумки — небольшие, легкие, а главное — вмещающие в себя все самое необходимое для обработки и перевязки раненых, сюда же входил даже небольшой набор хирургических инструментов.

В сумке я также нашла перочинный нож.

— А это зачем? — спросила я.

Фельдшер только деликатно улыбнулся:

— Пригодится. Иногда ножницы не так полезны, как нож.

Позже, на передовой, я убедилась, что нож ничем не заменимый инструмент.

Пока не было никаких боевых действий, нам предстояло проводить амбулаторный прием бойцов (тогда не говорили «солдаты»). Нам с фельдшером выделили небольшой финский домик, состоящий из маленьких сеней и одной комнаты. Он стал нашей амбулаторией. Здесь же за ширмой стояла кушетка, где я и Иван Иванович по очереди отдыхали.

Доктор Дмитриев перед отъездом сказал одну фразу, которая меня кольнула:

— Вы не очень-то их жалеете, они без конца ходят и жалуются, как будто все вдруг заболели. И не делайте никому никаких поблажек. Они вам тут наговорят.

Мобилизованные бойцы, узнав, что прибыла новая «докторша», сразу же повалили ко мне на прием. Это были в основном крестьяне и рабочие мужики из Калининской области. На вид они казались здоровыми и крепкими. Но когда я их стала осматривать, поняла, что их жалобы на головную боль, одышку, кашель, на больные ноги вполне обоснованы.

— Кашель совсем забил и не дает дыхнуть, — говорил мне один боец.

У него был сильнейший бронхит. С таким в больницу надо, а его отправляли в окопы... Что с таким делать?

Выяснилось, что перед мобилизацией практически никого из прибывших новобранцев не успели осмотреть и гуртом направили на войну. Теперь некоторые из них надеялись, что я найду у них какую-то болезнь и смогу их опустить домой. Какая наивность!

Мужики были разные: и молодые, совсем еще юные с чуть заметным пушком на губах; и средних лет, кряжистые в самой поре; и уже стареющие, небритые, начинающие полнеть... Кто добродушный, кто с хитрецей, а кто грубоватый, переплетающий свою небогатую речь крепким русским словом. Иван Иванович, несмотря на свой возраст, таких осаживал. Вообще, он оказался незаменимым помощником. Понимал меня с полуслова: кому-то давал таблетки, кому-то менял повязку или смазывал потертые ноги.

— Как же ты: еще не воевал, а уже ноги в кровь стер! — укорял он бойца. — Разве не знаешь, что портянки надо сушить, менять — иногда даже несколько раз в день. И, господи, ноги помой!

Боец только ворчал: теплой воды, мол, нет.

— Можно и холодной, — не унимался Иван Иванович.

— И так мы тут заволодели, кашель бьет всю ночь, — отвечали бойцы разом.

Я старалась быть с ними поласковее. Раздавала лекарства, успокаивала, говорила, что скоро все закончится и все мы вернемся домой. Хотя наперед знала, что мало чем могу им помочь. Этим парням и мужикам совсем не то было надо. А надо было им отдохнуть, выспаться в тепле возле своих жен, вечером согреться на русской печке, повозиться с ребятишками, утром снова пойти на работу — к скотине или трактору. Людям была нужна жизнь, дом, работа, мир, а не война. Кому нужна война? Умирать никому неохота.

Кроме фельдшера, в мое распоряжение выделили санитаров. И им отбывающий доктор Дмитриев успел дать характеристики:

— Посмотрите, Валентина Александровна, кого к вам направили в санитары и носильщики — одних эмфиземщиков и бронхитников. В покое и то у них одышка, а что будет на передовой? Вряд ли они смогут выносить раненых.

Дмитриев поворчал и уехал. А время показало, что все же мои санитары не отлынивали. Кряхтели, охали, задыхались и кашляли, но по несколько километров тащили на себе раненых. В первые дни войны у нас даже волокуш не было. Их придумали гораздо позже, когда война затянулась, а число раненых только прибавлялось.

По вечерам я долго не могла заснуть. Слышала, что за ширмой Иван Иванович стягивает с себя форму и сладко проваливается в сон. Я же спала в одежде, боялась, что поднимут тревогу, и я не буду готова.

29 ноября нас вызвали в штаб и сообщили, что 30 ноября предстоит бой. В ту ночь мне снилось, как я перебегаю границу — реку Сестру. Некоторые сны запоминаются на всю жизнь. Я оступилась на мосту и упала. Мимо меня пробежали солдаты. Кто-то тормошил: «Ну что же ты, вставай!»

Я проснулась. Меня по-тихому старался разбудить Иван Иванович, хлопая по одеялу.

— Уже пять утра. Все собрались...

Соскочив с кровати и ополоснувшись холодной водой, я окончательно проснулась. У крыльца стояли две санных повозки, в которые накануне мы уложили все наше имущество. Теперь их запрягали лошадьми два мужичка. В темноте светились их сигарки. Было слышно, как они переговариваются:

— Сейчас нам дадут жару.

Следующие дни я помню очень смутно. Бои шли жаркие. Санитары выносили с поля боя раненых. Мы с Иваном Ивановичем их перебинтовывали. Кого задело не сильно, возвращали на передовую. Тяжелых оставляли в повозках, после боя отвозили на полковой пункт медицинской помощи, а уж оттуда в медсанбат или госпиталь.

Однажды приключился случай. Наш обоз полз куда-то по лесной дороге. Вдруг из темноты вышел комбат, с ним несколько солдат.

— Куда вы?! Там финны! — шепотом сказал комбат. Он был ранен в предплечье, я обработала ему рану и перебинтовала. Офицер поведал, что его часть попала в окружение. Странно, но я нисколько не испугалась. Я хорошо помнила дорогу к нашему пункту медпомощи. Я предложила комбату и его отряду следовать с нами. В конце концов мы вышли к своим.

Мне тогда некогда было разбираться, в чем суть да дело. Вместе с санитарями я передавала раненых. И тут появился какой-то командир — с ромбами на петлицах, что тогда соответствовало высокому званию. Пожал мне руку и поблагодарил, что вывела часть из окружения. Потом осмотрел меня, запарившуюся от дел, с ног до головы и добавил, что и его жена тоже на фронте.

Мне бы по-военному вытянуться в струнку и выпалить: «Служу трудовому народу!», но я же не военный человек. Я тут же стала уточнять:

— А где ваша жена служит?

— В медсанбате, — ответил командир с ромбами.

— Ну, — разочарованно протянула я, — вот бы ее на передовую, а то медсанбат, это ж за двенадцать километров!

— А вы бедовая, молодец, — сказал обладатель ромбов. — Мы вас наградим.

— Очень нужна мне награда! Была б голова цела, — сказала я и, обращаясь к санитарам, крикнула: — Пошли передавать раненых.

Уже потом фельдшер Иван Иванович спросил:

— Вы знаете, с кем вы разговаривали? Это командир фронта, а вы как на «гражданке»!

Эпизодов всяких на войне как на войне. Однажды ко мне подошли несколько офицеров. Оказалось, военные корреспонденты. Стали меня расспрашивать, что и как там на передовой, как наши воюют, как мы, медики, оказываем им помощь, чем в нас стреляют. Я от них отмахнулась:

— Я врач, мое дело — спасать бойцов, а в остальном разбираться вам, идите на передовую и все увидите сами.

Все эти люди, тыловики, были в полушубках, в бурках, некоторые даже распахнули одежду от того, что им, видите ли, жарко. А мы на передовой, на морозе, в шинелишках, ушанках и кирзачках.

А морозы стояли страшные. Они запомнились больше всего. По приказу сниматься и идти вперед мы выехали на шоссе, ехали долго по направлению к Терийокам, я замерзла, устала и залезла в двуколку погреть руки о химическую грелку. Нам выдавали такие пакеты пятнадцать на тридцать сантиметров, а в них какая-то химическая смесь, напоминающая крупную соль. Пакет помнешь — он становился теплым. Этими грелками широко пользовались, ведь обмороженные раненые нуждались в тепле, а у нас не всегда была возможность их доставлять на полковой пункт медицинской помощи, располагавшийся в стационарных зданиях. И вот оказалось, когда я хотела согреться и залезла в двуколку, кто-то из идущих по шоссе крикнул:

— Ишь, какая барыня, залезла в тепло.

Меня, как плетью, ударили эти слова. Выскочила и прокричала:

— Это я-то барыня? Да на ходу теплее, чем в двуколке. А ну забирайся туда, и посмотрим, какое там тепло?

Никто, конечно, не отозвался.

Действительно, в движении было теплее. Однажды мы шли по густому лесу. Я держалась за двуколку и, очевидно, задремала и чуть не упала, Иван Иванович меня подхватил и посоветовал залезть в двуколку, но я отказалась, боялась, что замерзну.

Стояла ночь, вокруг темно, хвойные деревья обступили нас, как сказочные великаны, игольчатые ветки били нас по лицу. Все ушли вперед. А мы, как всегда, плелись позади. Никто нас не охранял. И казалось, что никому мы не нужны. Вспомнились слова из романа Алексея Толстого «Петр Первый»: «А сзади шли брадобреи, लेकर и прочая обозная сволочь». Я произнесла их, и мы с Иваном Ивановичем и санитарам засмеялись.

Постоянная усталость — еще одно, что преследовало меня все дни финской кампании. Однажды я так устала и замерзла, что присела у костра и чуть ли не в сам огонь сунула ноги. И заснула. Проснулась от жара, мои сапоги прогорели и развалились. Кое-как замотала их портянками и добрела до землянки, где мы обосновались, заботливый Иван Иванович достал мне новые кирзовые сапоги.

Когда взяли Терийоки, раненых и больных стали сдавать сразу в развернутый здесь госпиталь, минуя пункт медицинской помощи.

Встретили в пути снова Марусю Левину. Она шла и курила. Поговорили с ней, она уже слышала о том, что я вывела из окружения людей, и сказала:

— Молодец, Валечка! Мы еще повоюем!

В Терийоках бойцы разместились по домам и подвалам. А мне стали приносить то варенье, то печенье.

— А нам комиссары и политруки говорили, что все отравлено, ничего пробовать нельзя, — подмигивали мне бойцы. — Угощайтесь, доктор, мы уже все попробовали. Как видите, живы.

Наконец нам выдали зимнее обмундирование. И это сыграло со мной дурную шутку. Зимняя форма была на вате. Я в молодости была полненькой, а тут и совсем округлилась. Впрочем, сноровки не потеряла, помощь раненым оказывала споро. За что меня прозвали «танкеткой».

Снова были бои и привалы, привалы и бои. Война не отпускала нас даже в редкие часы отдыха. Обстрелы с вражеской стороны не прекращались. В одном из таких артобстрелов меня контузило — рядом разорвалась не то мина, не то снаряд. Зазвенело в голове и ушах, из левого уха потекла кровь, закружилась голова. Контузило и нашу лошадь Копну. Мы быстро пришли в себя, но после этого слух у меня ослаб и я стала хуже ориентироваться в пространстве.

Мы воевали под девизом — разведка боем. Однажды из штаба прибежал нарочный и приказал срочно кого-то послать на передовую сопровождать взвод. Я, схватив полевую сумку, выскочила из землянки, но Иван Иванович заявил, что сам пойдет, а мне лучше остаться:

— Еще успеете, — сказал он, и я смалодушничала, осталась.

А Ивану Ивановичу, как позже оказалось, пришлось не только оказывать помощь, но и принять участие в бою. Задача стояла занять высоту. С ней успешно справились, закрепились. Но санитары и некоторые бойцы завопили, что долго не везут обед, они хотят есть. Старшие в команде и Иван Иванович пытались их урезонить. Действительно, питание должны были доставить с минуты на минуту. Но те никак не могли угомониться. В тот момент ни в коем случае нельзя было разводить огонь. Противник мог обнаружить наш отряд, и тогда быть беде. Но бойцы стали разжигать костры, чтобы разогреть НЗ в банках. И конечно, их засекли вражеские наблюдатели. Финны начали обстрел и выбили наших с высоты. Было много жертв. Ивана Ивановича тяжело ранило осколком в шею. Его успели отправить на пункт медицинской помощи, а через сутки он прибыл к нам. Оперировать его не взялись, рядом находилась сонная артерия, и в полевых условиях это было слишком опасно. Над ключицей прощупывался злополучный осколок, довольно крупный. Иван Иванович сильно побледнел и осунулся. На следующее утро его отправили в Ленинград.

Я очень расстроилась. За этот месяц мы сдружились, сработались. Но больше всего было обидно, что преступная оплошность нескольких шалопаев привела к таким последствиям.

На смену моему раненому фельдшеру прислали нового, и его тоже звали Иван Иванович. Фамилию его я не запомнила. Он был украинцем, кадровым медработником, очень хорошим человеком и специалистом. Это очень быстро выявляется в боях. К сожалению, воевали мы с Иваном Ивановичем недолго.

Прошло дней пять, как пришел приказ выдвигаться на передовую. На этот раз я бесповоротно решила — пойду сама. А Иван Иванович стал меня упрашивать не ходить. Я обратилась к комбату — кому идти? А он улыбнулся и сказал:

— А жребий бросьте.

Я протестовала, на моей совести и так лежало ранение первого Ивана Ивановича. По жребию выпало идти фельдшеру. Но я не осталась в землянке и пошла вместе с ним.

Начался бой. Мы перевязывали раненых. К счастью, их было немного, и мы уже стали отходить по команде. И тут прозвучал взрыв. Я оглянулась и увидела, как Иван Иванович схватился за дерево и стал оседать на землю, затем упал на спину. Его ранило в живот. Картина предстала ужасная: кровь лилась рекой и кишки выползли наружу. Иван Иванович был мертв.

Через несколько дней меня направили на пункт медицинской помощи. Я не хотела уходить с передовой, сопротивлялась, но приказ есть приказ. На мое место прислали студента пятого курса Военно-медицинской академии по фамилии Александров.

Начальником пункта медицинской помощи был врач Сергей Усов из Ржева. Здесь же я встретила доктора Дмитриева. В перевязочной рядом со мной работал красивый молодой фельдшер Августин, выходец из Прибалтики.

Раненых поступало очень много. Мы порой сутками не вылезали из перевязочных. Но здесь было безопаснее, теплее, сытнее.

Ранения в основном были мягких тканей, огнестрельные переломы, ранения в легкие. Очень мучились ребята с пневмотораксом — это когда разорвана грудная полость, и человек не может вдохнуть, он задыхается. Кроме раненых, были больные с пневмониями и плевритами.

Нас почему-то заставляли делать «пятачки» вокруг ран, обрезать много ткани. Очевидно, так боролись с опасностью столбняка или гангрены. Но раны затягивались очень долго.

Хочу сказать о лекарствах. Антибиотиков у нас не было. Антибиотики и сульфаниламиды в начале двадцатого века только начали исследовать. К 1939 году всего-навсего был описан эффект пенициллина, но не удалось выделить достаточно стабильный его экстракт, а из сульфаниламидов пока только начали исследовать первый из них — прontosил. Лечили стрептоцидом и, как обычно, симптоматическими средствами — банки, горчичники.

Под Новый 1940 год была передышка между боями. Наш интендант привез из Ленинграда всяческих продуктов и сладостей, и мы встретили Новый год. Ходили на стрельбище, на лыжах. Я выбивала тридцать очков, и меня ставили в пример некоторым командирам за меткость в стрельбе.

Однажды я разбежалась на лыжах и перепрыгнула через «какую-то веревочку».

— Дура! — закричал доктор Дмитриев. — Это же мины!

С тех пор я была осторожнее.

Во время передышки мы ходили посмотреть так называемую «линию Маннергейма». Мощные доты, дзоты, надолбы. Конечно, такие сооружения наши орудия и танки не могли пробить, разве что с воздуха — бомбами. Впечатление было потрясающее и ужасное. Вокруг сметенный лес — одни пни. Танки, превращенные в искореженный металл. Вокруг в снегу лежали замершие обрубки тел. Я вспомнила, как мимо нашего медпункта проезжали танкисты — молодые, красивые, здоровые юноши. Они угощали нас шоколадом, смеялись, говорили, что скоро вернутся и пригласят нас на танцы... Кошмар.

Во время службы на пункте медицинской помощи я вступила в ряды ВКП(б).

В середине января снова начались бои. Мы слышали какой-то непонятный нарастающий шум и выскочили из перевязочной. Летели наши эскадрильи к Выборгу. Самолетов было так много, что они закрыли полнеба, и вокруг стало темно.

Затем меня перевели в госпиталь, где я снова встретилась с Марусей Левиной. Шла та же непрерывная работа. Я ассистировала доктору из Москвы Преображенскому.

Война подходила к концу. Я стала терапевтом вместе с врачом из Москвы Лизой Былиной.

Я заметила, что у меня больные довольно быстро поправляются, выздоравливают от пневмонии. Припоминаю, при обходе много с ними беседовала, успокаивала их, при этом брала за руки. Как-то заглянул к нам ленинградский невропатолог и сказал, что я занимаюсь гипнозом. У меня появились от этого головные боли, так как способ лечения мой был не безразличен для организма — так сказал он.

— Поменьше себя расстраивайте, — посоветовал невропатолог.

Смешно. Кому это он говорил? Теперь бы это назвали мануальной терапией.

Незадолго до окончания войны вызвали меня в штаб полка, и начальник штаба в торжественной обстановке объявил, что меня наградят медалью «За отвагу». Я удивилась:

— За что? Я выполняла свой долг.

Медаль мне в Кремле вручал сам М. И. Калинин. Но это уже случилось позже.

13 марта 1940 года было объявлено о завершении войны. А 14 марта нас срочно отправили в Ленинград.